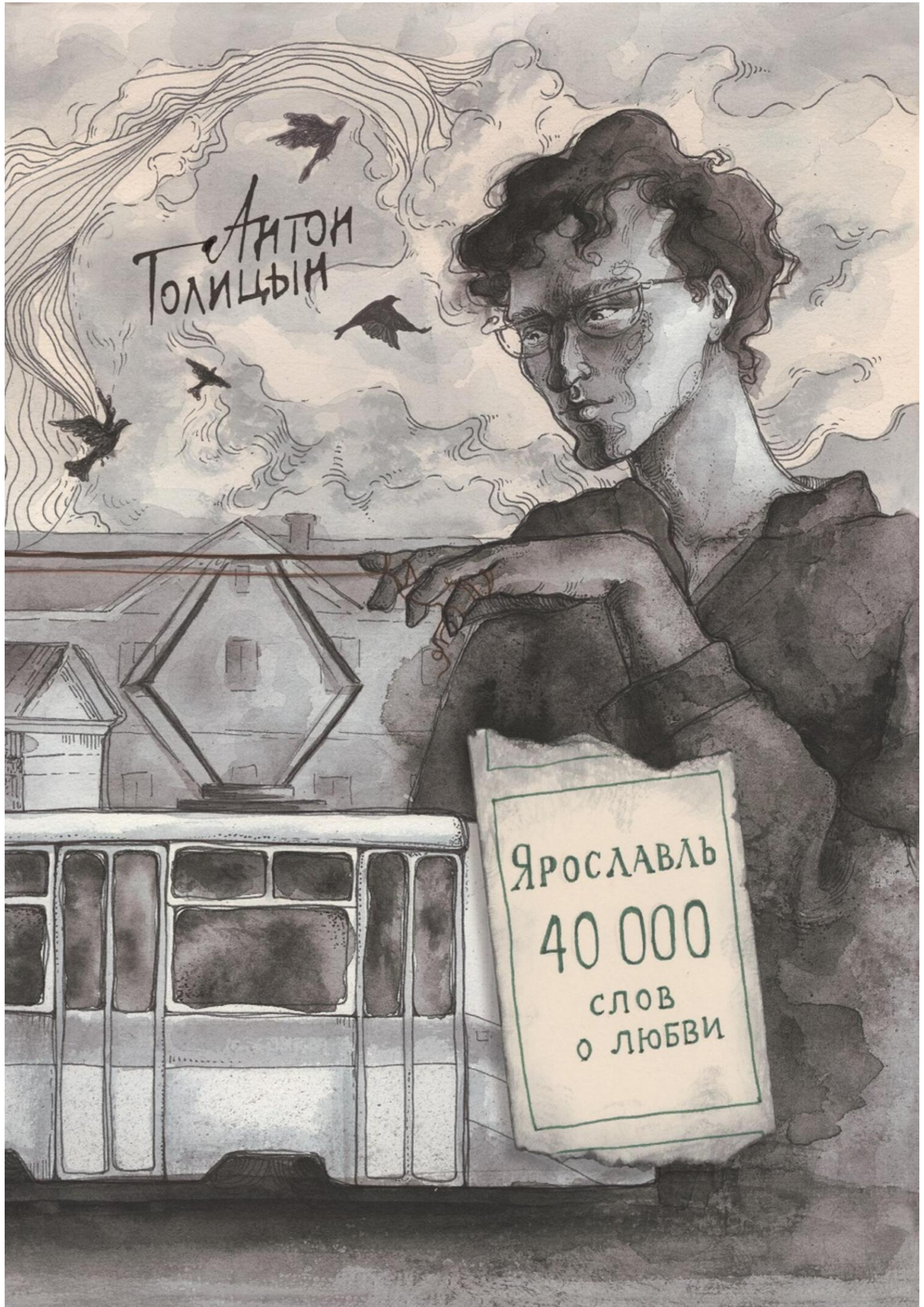

Антон
Толицын

Ярославль

40 000

слов
о любви

АНТОН ГОЛИЦЫН

**Ярославль. Сорок
тысяч слов о любви**

«Автор»

2023

Голицын А.

Ярославль. Сорок тысяч слов о любви / А. Голицын — «Автор», 2023

Роман современного автора Антона Голицына посвящен Ярославлю и его жителям. Действие книги разворачивается в трех временных отрезках: 2000-х годах, 1990-х и 1930-х. Сюжет строится вокруг реальных событий и явлений: затопления земель Рыбинским морем, крушения баркаса "Четвертый", уничтожения трамвайных линий в Ярославле в 2000-х, рок-движения в Ярославле в 1990-х. Четыре истории любви переплетены между собой и связаны с городом, в котором ничто не исчезает бесследно.

© Голицын А., 2023

© Автор, 2023

Антон Голицын

Ярославль. Сорок тысяч слов о любви

Памяти Яна Левина

Мукомольный переулок

Осторожно, двери закрываются. Следующая остановка – Мукомольный переулок. Конечная

Двери с привычным грохотом пошли вправо. И вдруг ему вспомнилось: забрызганный весенним солнцем дворик в начале девяностых, цветущий каштан, и лицо Лизы в колыхании тени и света.

В тот день Годунов загнул последнюю пару на истфаке и пил с приятелем молдавское алиготе на Революционном бульваре. Друзья пребывали в первой, самой нежной стадии опьянения, в которой всё становится лёгким и немного смешным, и кажется, что ты понимаешь всех и все должны понимать тебя. И когда Годунов возжелал уединиться, отхожим местом в шутку была избрана мэрия, бывший дворец вице-губернатора. Запретная зона показалась студентам особенно заманчивой.

Приятель остался сторожить лавку, а Годунов пошёл в сторону порядком обветшавшего дворца. В просторном холле за стойкой сидел охранник, преграждая путь к мраморной лестнице. Тут же дверь открылась вновь, и в мэрию вошли четверо мужчин в костюмах. Они уверенно направились к вахте, Годунов скользнул за ними и успешно миновал охрану.

Поплутав по коридорам, он нашел туалет, а затем и выход, но другой, с чёрного хода. Революционная была где-то справа. Мэрию ограждал забор, но не возвращаться же, и он легко перемахнул через него. Впереди была арка, а кто не любит ярославские подворотни с их полумраком, острыми запахами и путями неведомо куда? Годунов прошел под низким сводом и остановился, жмурясь от яркого солнца.

Пустынный двор, асфальт в извилистых трещинах, лужа с очертаниями Каспия, возбуждённые воробьи бьют крыльями по воде, пуская солнечных зайчиков на ветхую кирпичную ограду. Слева невысокий длиннющий дом, перед ним цветущий каштан. Белые пирамидки чуть дрожат от прикосновений пчёл. Лишенный колес красный «Москвич» дремлет на солнышке, впереди куб бывшего храма без куполов. Можно было подумать, что жизнь разбросала свои игрушки в случайном совершенстве. И будто бы всё это – и случайность, и совершенство – только и поджидали Годунова, чтобы застать его врасплох в первой, нежной стадии опьянения.

Из калитки в дальнем конце появилась группа человек из десяти. Они подошли к каштану и остановились, а высокая девушка встала отдельно и заговорила. Годунов понял: экскурсия.

– ...возникновение этого монастыря...

Он и не знал, что здесь монастырь. Девушка говорила чуть торопясь.

– ...связано с теми временами, когда в городе перед походом на Москву стояло ополчение Минина и Пожарского. Вы, наверно, знаете, что Минин был купец, торговец мясом. Так вот, в нашем городе есть переулок Минина. И как вы думаете, около какого предприятия он находится?

На ней была малиновая куртка с карманом на животе, как у кенгуру. На лице проступал румянец, будто бы она только что остановилась после бега.

– Неужели мясокомбината? – ляпнул Годунов.

– И за правильный ответ вы получаете подарок, – экскурсоводша сделала несколько шагов и протянула карманный календарик с церковью Ильи Пророка. – Но я вас что-то не помню? Или...

Годунов взялся за календарик и потянул к себе.

– Да я местный. Послушаю минуту и пойду дальше.

Девушка отпустила календарик и посмотрела на Годунова.

В детстве с ним приключилась такая история. Годунов ехал на велосипеде, к раме которого был примотан зонтик на случай дождя. На крутом склоне зонтик съехал, и ручка попала в спицы переднего колеса. Он не успел тогда ничего понять: заднее колесо оторвалось от асфальта, и он взлетел вместе с велосипедом, почему-то фиксируя каждый кадр проносящейся мимо жизни – автомобиль на встречной полосе, пыльную траву на обочине и луч солнца, блеснувший из-за кривой сосны.

Так и сейчас – взгляд девушки будто вышвырнул его за пределы известного.

– ...и в тот момент, когда икону проносили мимо него, слепой прозрел. Чудо впечатлило богомольцев, они пали на колени и молились. Болезнь отступила, а после освобождения Москвы на этом месте был открыт монастырь во имя святых Афанасия и Кирилла.

– Да ну, – неизвестно почему пробормотал Годунов. Получилось громко и, верно, насмешливо. Туристы недовольно обернулись.

– Молодой человек, – произнесла старушка из группы. – Идите своей дорогой.

– И календарь верни, – пробурчал какой-то мужик.

Годунов хотел было что-то возразить, но девушка вновь взглянула на него, и в этом взгляде читалась мольба, чуть не отчаяние. Вот тут он смутился и, сжав календарик в руке, отступил в тень каштана.

...вагоновожатый очнулся, вынырнул из воспоминания. Мукомольный переулочек, конечная, был тот же: рельсы по кругу, белая церковь, старые дома и голуби на остановке. На другой стороне дороги руины усадьбы с колоннами и дремлющими львами на столбах ворот. Рука легла на тумблер.

Осторожно, двери закрываются. Следующая остановка – улица Чайковского.

Двери с привычным грохотом пошли вправо. К трамваю бежал пешеход, и Годунов поспорил сам с собой – успеет, не успеет. Голуби, хрустя ноябрьским воздухом, взмыли в небо. Пассажир успел, дверь стукнула, трамвай зазвонил и тронулся от Мукомольного переулка. Годунов продолжал жать кнопку звонка, предупреждая водителя большой чёрной машины. Она неслась наперерез по Большой Октябрьской, не снижая скорость и надеясь проскочить. Годунов тоже не снижал, и водитель едва успел нажать на тормоз. Годунов нарочито спокойно заглянул в бешеные глаза толстяка за рулем: правила читай, трамваю везде приоритет.

В другой раз Годунов подождал бы спешащего пассажира. И на его месте любой пропустил бы большую чёрную машину – все подрезают трамваи на Мукомольном переулке, конечной остановке первого, седьмого, третьего и двойки. Годунов был единственным, кто не пропускал. Пусть хоть здесь, за секунду до столкновения с громоздким детищем Усть-Катавского завода вспомнят, что в жизни есть правила и есть закон.

Трамвай разогнался под гору мимо сорок третьей школы с гипсовым Пушкиным за чугунной решеткой, докатил почти до перекрестка и остановился.

Остановка улица Чайковского. Следующая – Володарского.

Годунов любил эту остановку. Слева выглядывал дом Иванова, с узкими окнами, деревянной крышей и лестницей на второй этаж. За ним – колокольня Николы Мокрого. Справа начинались двухэтажные «немецкие» домики, построенные когда-то для актёров Волковского, вдоль них тянулся бульвар до трамвайного депо на Свободе.

Осторожно, двери закрываются. Следующая остановка – улица Володарского.

А вот перегон до Володарского ему не нравился. Улица продолжалась, а старый город терялся, исчезал. За парой невыразительных сталинок начиналась совсем уж типовая застройка.

На границе этих миров рельсы раздваивались: трамвай Годунова шёл прямо, на Перекоп, а вправо, в гору, уходил путь единицы и семёрки. Единица сейчас и спускалась, торопясь на конечную. Слишком лихо – подумал Годунов. Первый затормозил, вылетел на перекресток и замер, перегородив путь двойке и нескольким легковушкам. Машины загудели, вожатая судорожно жала кнопки, оглядываясь на дорогу. Трамвай не желал заводиться, и Годунов понял: новенькая. Он накинул грязную оранжевую жилетку, открыл дверь и выскочил в разреженный осенний день.

Вожатая чуть не плакала. Неужели никто не сказал ей, что повторный запуск нужно производить не сразу, а подождав минуту? Несколько движений, и двигатель заработал.

– Простите, а нельзя ваш телефон?

– Зачем?

– На всякий случай.

– У меня нет телефона.

И чего она полезла в вожатые? Видно же – недели три продержится, не больше.

Остановка улица Володарского. Следующая – проспект Толбухина.

Двери с привычным грохотом пошли влево.

Дом общества приказчиков

Годунов выходил из депо на Свободе, когда сзади окликнули:

– Мужчина, постойте.

Он обернулся. Новенькая с первого спешила за ним.

– Я хотела сказать «спасибо».

– Пожалуйста.

– У меня сегодня первая смена.

– Поздравляю.

– Почему такая ирония?

Годунов на секунду задумался.

– Женщина, которая знает слово «ирония», по определению не может быть вагоновожатой.

– Что ещё со мной не так? – с легким вызовом ответила спутница.

Годунов присмотрелся. Небольшого роста, короткое чёрное пальто, которое больше подошло бы старшекласснице. Лицо тоже почти детское, с любопытными чёрными глазами. Вожатую можно было бы принять за подростка, если бы не пара морщинок на лбу.

– У вас косметики нет на лице.

– Какая наблюдательность.

– У вожатых всегда много косметики: на остановках делать нечего, особенно на конечной.

Вот они и красятся целый день.

Она улыбнулась.

– Осуждаете?

– Мне-то какое дело.

– Я собиралась отметить первый день работы. А вы мне так помогли сегодня. Может, сходим куда-нибудь?

– Нечасто услышишь такое от человека, которого видишь второй раз в жизни. Я и так иду в кафе.

– А можно с вами? Но если вы считаете, что я навязываюсь...

– Ничего я не считаю. И вообще, мы в депо работаем или в консерватории? Может, уже на «ты» перейдем, и имя своё скажешь?

– Вера.

– Годунов.

– А имя?

– Ни к чему. Здесь меня называют так.

Они свернули со Свободы налево на Чайковского, еле подсвеченную редкими фонарями, затем направо – на Свердлова. Улица расширилась до сквера с облетевшими ясенями. На мокром асфальте желтела листва.

Спустя минуту из темноты выступило невысокое здание с узкими окнами, а крыши будто не было вовсе. Не дом, а декорация. Годунов потянул тяжёлую дверь, там было пустое фойе с колоннами. Он уверенно свернул в какой-то закуток, обернувшийся книжной лавкой.

– Я посмотрю кое-что, пока открыто, – бросил он Вере.

Книги стояли на высоких стеллажах, между которыми едва можно было протиснуться. У окна на табуретке с сидел с открытой книжкой продавец – худой мужчина с копной чёрных волос и бородой, торчащей сразу во все стороны. Он походил на исхудавшего Бармалея или Робинзона Крузо.

– Привезли? – спросил Годунов.

Продавец мельком взглянул на Годунова, быстрым движением достал небольшую книжку, назвал сумму и продолжил читать.

Кафе в том же здании занимало сразу два этажа. Ни одного посетителя не наблюдалось. Годунов заказал большую чашку кофе, Вера взяла чай и пирожные.

– Давно в Ярославле?

– С чего ты так решил – опять что-то не то сказала? – Вера не переставала жевать. – Или ярославские девушки не идут работать вагоновожатыми?

Годунов хмыкнул.

– И где же они работают?

– В офисе, в кафе. А лучше найти богатого мужика и вообще не работать. И лучше не в Ярославле.

Вера улыбнулась:

– Буду знать. В офисе скучно, в кафе шумно, а насчёт остального поздно – я замужем.

– Переехали?

– Нет. Я одна здесь. Приехала ухаживать за бабушкой, – Вера нахмурилась. – Она умирает, а другой родни поблизости нет. Вот и пошла в депо, чтобы не сойти с ума. А так я работаю в школе искусств.

– А я что говорил.

– И, действительно, в Юрьевце.

– Ивановская область, – констатировал Годунов.

– Да.

Они замолчали. Вера принялась за чай. Годунов пил кофе.

– Хороший город. Там, должно быть, красиво цветет вишня.

– Ты был в Юрьевце? – удивилась она. – Обычно люди не знают, где это вообще.

– Да, бывал.

Вера спрашивала, Годунов отвечал сначала неохотно, но вскоре разговорился. Ни к чему не обязывающая болтовня – о трамваях и вожатых, о Ярославле и Юрьевце, о бывшем кино-театре «Арс», в здании которого они сидели. Его строили как дом общества приказчиков, а теперь здесь был частный театр, кафе и книжная лавка. Вера спросила и про купленную книжку. Оказалось, это новый сборник ярославского поэта Белякова. «Ты вряд ли поймёшь», – не преминул уколоть Годунов. Вера не нашлась, что ответить.

- А ты бывал во многих городах?
- Нет, я редко уезжаю из Ярославля... Здесь есть всё, что мне нужно.
- И ты хорошо знаешь город?
- Достаточно.
- А можешь... найти дом по описанию?

Вера ждала ответа, а вожатый задумчиво смотрел в чашку, словно решая, взять ли еще кофе. Зато у Веры появилась возможность разглядеть его прямо, а не обычным потайным женским взглядом.

Годунов выглядел старше неё. Круглые очки, чёрные волосы с длинной чёлкой были засалены, слегка впалые щёки – небриты. Вытянутые рукава тёмно-синего свитера загнуты. Смотрел вожатый неприветливо и словно усмехаясь, будто всё про всех знал, и в этом знании не было ничего хорошего.

Годунов не отвечал, и Вера заговорила сама:

– Видишь ли, бабушка давно хочет умереть, но никак не умирается. Она то бредит, то приходит в сознание. Не знаю, бред это или нет, но она просит меня найти один предмет. Она его спрятала на чердаке старого дома, когда была совсем молодой. Дом-то, говорит, ещё стоит, – Вера задумалась. – Должен стоять. Наверно, глупость... Но так жалко её.

– И в чём же проблема?

– Адреса нет. Она его не помнит. Только описывает, какой был дом, что там рядом. Но я же не ярославская, для меня что дома, что церкви – все на одно лицо. И с тех пор вообще всё изменилось...

– С каких пор?

– Бабушке сейчас девяносто. Получается, целых семьдесят лет прошло уже.

– И что это за предмет? Сундучок с золотом?

Вера прищурилась.

– Не смейся. Неужели у тебя нет вещи, которую ты хранишь, хотя она тебе давно не нужна?

Годунов перестал улыбаться.

– И что она рассказывает про дом?

– Она говорит, дом двухэтажный. На улице было две церкви, одна очень красивая и совсем рядом. Другая была подальше. Сам дом выложен цветной плиткой, а на крыше решётка.

– Странно, что она не помнит адреса.

– Ничего странного. Жила-то она там недолго, а потом столько всего случилось... Бабушка приехала из деревни, была неграмотной. Если бы она ходила, то показала бы, конечно. Не выносить же её на носилках.

– Это всё?

– Всё, что я поняла. Она не всегда понятно говорит. Можно бы расспросить ещё. Но мне хотя бы знать, о чём спрашивать. И нужен кто-то, кто поможет.

– Найти такого человека непросто.

Годунов снова уставился в чашку, и Вера это разозлило.

– Я вообще-то тебя прошу.

Годунов поднял глаза и посмотрел на Веру так, словно увидел её впервые:

– С этого и надо было начинать, а не ходить вокруг да около. Найти спрятанную вещь через семьдесят лет. Бред! Ильф и Петров.

– То есть ты отказываешься.

– Да нет. Давай попробуем.

Ягорба

Верина бабушка жила в Брагино. Народная память ещё лелеяла название стоявшей здесь когда-то деревушки, хотя всё вокруг давно было занято панельными и кирпичными домами.

Бабушкин дом в пять этажей окружал палисадник из врытых в землю шин. Во дворе росли тополя и березы, за полвека вытянувшиеся до крыш. Редкие бабули в старых пальто досиживали свой век на потемневших скамейках, дом и сам выглядел ветераном, просился на покой. Соседние здания ничем не отличались. Годунов поздоровался с бабушками, позвонил в домофон и вошёл в подъезд.

Вера открыла в тёмно-коричневом халатике и тапочках с огромными кошачьими мордами на носках. Домашний вид немного смутил Годунова, не хватало ещё кружевных трусов на трубе в ванной. Он вошёл в гостиную.

Обстановка родом из семидесятых, рассчитанная на советскую вечность, держалась с достоинством. Люстра с пышными плафонами, розоватые бумажные обои, серванты с хрусталём и огромная радиолы «Урал-112», которая могла проигрывать пластинки и ловить радио со всего света. Впрочем, шипение, голоса чужих языков, обрывки танго и космические звуки давным-давно не тревожили скопившуюся в сетке динамиков пыль. На пенсии радиолы подрабатывала тумбочкой для телевизора. Годунову захотелось её выкрасть.

– Бабушка просила ничего не менять до её смерти, – шепнула Вера, поймав взгляд Годунова.

Клавдия Степановна лежала в маленькой комнате на кровати с кружевным подзором. Вера села на стул у изголовья, а Годунов остановился у двери, разглядывая бабушку. Редкие волосы, впавшие щёки, бесцветные губы и омертвевшие глаза, будто покрытые слоем перламутра. Конечно, запах. На тумбочке стояла чёрно-белая фотография красивой молодой женщины.

– Бабушка, помнишь, ты говорила про дом в Ярославле, где жила в молодости.

– Да.

– Я привела человека, который поможет его найти. Расскажи нам про этот дом. Всё, что вспомнишь.

Бабушка молчала. Годунову показалось, что старушка ничего не расскажет, потому что не может вспомнить, или не хочет. Или же нечего и вспоминать.

– Бабуль...

– Памяти-то уж не стало. Дом как дом. Два этажа. Сарайки во дворе.

– Ты говорила, на нём плитка была.

– Да.

– А как улица называлась, не вспомнила?

– Павлова.

Вера посмотрела на Годунова. Годунов покачал головой: такой улицы в центре Ярославля нет.

– Точно, Павлова? Ты потом-то туда не ходила?

– Не ходила.

Вера продолжала расспрашивать, но бабушка вспоминала всё время что-то не то: высокое дерево через дорогу, герань в окне на первом этаже, булыжники на мостовой, безногого соседа, сидящего на лавке во дворе, который снился ей в страшных снах. Потом бабушка устала и попросила пить. Вера вышла на кухню, а Годунов за ней.

– Прости, но, наверно, всё без толку. Я зря тебя позвала, – сказала она, наливая кипяток из керамического жёлтого кувшина с коричневыми цветами – Годунов вспомнил, что такой же был и у его бабушки.

– Спроси её что-нибудь другое. Что-то из тех времён. Запоминаются не дома, а люди. Истории с этими людьми. Главное – свои истории.

Вера вернулась и долго поила бабушку, приподнимая её голову рукой.

– Бабуля, а Расскажи, чей это портрет. Как он попал на чердак? Зачем ты его спрятала?
Бабушка снова молчала. Годунов заметил, что её лицо начало меняться. Она приоткрывала рот, произнося беззвучно какое-то слово, а потом будто улыбнулась.

– Кто это был, бабушка? Как его звали?

– Коля. Его звали Коля.

– Ты с ним познакомилась в Ярославле?

– Я... была тогда молодой. Моложе тебя. Мы жили в деревне, в Ермаковском районе. На реке Шохне. Хорошая река, большая. Рыбы много.

Бабушка говорила медленно, короткими фразами.

– Весной вода подымалась до огородов. Рыбу большую в огородах вилами кололи. Рыба была, какой нет теперь. А уха была! Ани сладкая. А осенью ягод-от, грибов. Один кузов отнесёшь и за другим бежишь. Один и за другим... Озёра вокруг, болота. Хозяйство большое было. Лошадь, три коровы, свиньи. Робить много приходилось. И я, и братья, все, кто мог, робили. Отец строгий был. Как сенокос, так до восхода выходили и косили, пока не падали.

– Почему вы уехали?

– Колхозы стали делать. Пришёл из Ягорбы председатель – Боев была его фамилия. Сказал всё в колхоз отдать. И скотину, и плуг, и хлеб. Отец сначала не хотел. А потом собрание было, он ходил туда. Пришёл и говорит – против нагана не попрёшь.

Отец думал-думал, а потом собрался и уехал. В Ленинградскую область, посёлок Пикалёво. Он там столяром стал, завод строил. А мы скотину отдали в колхоз и поехали в Ярославль к родне. Мать с младшими пошла жить к дяде, а я к тётке. Я устроилась в детский комбинат, в ясли при подошвенном заводе.

Бабушка говорила, прикрыв глаза, но речь становилась всё четче, вопросы уже были не нужны. Годунову показалось, что Клавдия Степановна забыла про их существование и рассказывала всё это самой себе. Или кому-то другому, кому когда-то хотела рассказать, но не смогла.

– Мне было... семнадцать. Меня пустили в комнату двоюродной сестры, Лиды. Она была грамотная, восьмилетку закончила. По вечерам выходили гулять на набережную, под липы. У меня городской одежды не было, а выйти в нашем, деревенском, стыдно было – засмеют. Там публика всё приличная: молодёжь со строек, с училищ, студенты. Лида мне своё платье давала.

Набережная была красивая. Дома, церкви, липы, пристани под горой, беседка белая, лодки, много лодок.

Коля сначала за Лидой ухаживал, да уж у Лиды свой ухажёр был. А я как его увидела, так у меня сердце и упало. Он! Весёлый был, балагур, рубашка в клетку, а рукава закатывал выше локтей. Он тоже был с деревни, но раньше приехал. Учился в фабрично-заводском училище. Фабзайчата их называли.

Стали мы гулять, Лида со своим Лёшей, а Коля вроде как со мной. Он всё говорил, шутил. Все вечера, все ночи ходили по набережной. Я как возьму его под руку, так и себя не помню, и слова сказать не могу. Какой он был красивый, да умный, да весёлый. Слова матерного не бросит, как другие.

А как глянет, бывало, в глаза, будто кипятком обожжёт.

Я думала, он Лиду любит.

Она же умная, городская.

Умела и говорить, и шутить, и слов много знала умных.

Только петь не умела.

А однажды шли ночью.

Волга вся в огнях.

Тепло было, даже душно.

И я вдруг, сама не знаю, отчего, запела.

Я же на Ягорбе была первая писельница, на всех вечеринах запекала.

В городе петь боялась.
А тут запела:

*Вьётся, вьётся сокол, над речной осокой
А осока вьётся, вьётся над водой
Залетает сокол в небеса высоко
Где ты, ясный сокол, милый мой*

Сначала тихо пела.
А потом громче и громче.
Так что люди останавливались.
Когда закончила, все захлопали.
А Коля сказал, что у него в деревне эту песню тоже пели, но никто не пел так... как я.
Я тогда поняла, что Коля не любит Лиду.
Что Коля любит меня.

*Милый мой далёко, во чужой сторонке
Во чужой сторонке, в дальней стороне
За горой высокой, за рекой глубокой
Во широком поле на войне*

Такие там были слова.
Он проводил меня до дома.
А я не хотела уходить.
И пошла провожать его до дома.
На Тугову гору.
Я была сильная, не боялась никого.
И Колю все знали на фабричной стороне.
Меня бы никто не обидел.
Мы шли по мосту, и он просил меня петь.
И я пела.

*Во письме он пишет: нету большие мочи
Нету моей мочи во врага стрелять
Мне бы только милой ласковые очи
Перед смертью лютый увидеть*

На мосту он меня поцеловал.
Он жил в бараке под Туговой горой.
Несколько человек в одной комнате.
В ту ночь их не было.
Тоже гуляли.
И мы зашли к нему выпить чаю.
Хотя какой чай.
Вода горячая.
Чаю не было.
И хлеб чёрный.
Ничего вкуснее не ела никогда.
И тогда я увидела его портрет.

Фотокарточка в рамке на стене.
Коля там был такой красивый.
И я, озуруя, сняла его.
Взяла и не отдала.
Сказала, он всегда будет со мной.
А Коля только смеялся...
Назад я одна шла.
Утро уже было.
Город пустой – воскресенье.
Трамваи ходили через мост.
А у меня денег не было на трамвай, я бежала.
Будто летела.
И портрет в руках.
Да побоялась с портретом домой идти.
Вещей своих не было, даже спрятать некуда.
Смотрю – чердак открыт.
Я и залезла.
Под стропило сунула.
Хотела вернуть.

Паузы во фразах становились всё дольше. Бабушка будто бы задыхалась. Говорить так много было ей тяжело, но и Вере, и Годунову было очевидно, что она хочет всё досказать.

– Следующим днём, девятого июля, всё Колино училище поехало за Волгу. Работать в колхозе. Их погрузили на баркас. Баркас отплыл от берега, а мимо плыл пароход. Капитан решил пошутить и дал ходу. Поднял волну. Баркас был перегружен и перевернулся. Девяносто восемь человек погибли.

Коля погиб.

Я долго не верила. Он должен был выплыть, сильный был. Может, других спасал и сам утонул. Но тела не нашли, многих не нашли. На Туговой горе хоронили, в братской могиле. Молодые всё парни. Страшно. И я долго верила, что он живой.

Бабушка замолчала. Они ждали. Наконец Вера прервала затянувшуюся паузу.

– Почему ты не забрала портрет?

Бабушка не отвечала, словно не слышала. Вера повторила вопрос.

– Мы уехали снова в Ягорбу... Из-за меня. Я была беременна.

– Николай – мой дед?

– Да.

– Но у тебя же был муж.

– Потом. Из Ягорбы. Мы вернулись, отец вернулся, вступили в колхоз. Саша раньше на вечерах всё ко мне садился в серёдки. Да я не любила его. А как узнал, что я вернулась с животом, предложил выйти замуж. Я не хотела, не верила, что Коля погиб. Но мать заставила. И отец. Тогда нельзя было одной рожать.

– Но потом же ты жила в Ярославле. Почему потом не забрала?

– Столько лет прошло... Война. А Коля у меня всегда словно перед глазами стоял. А теперь нет. Забыла. Хоть бы взглянуть на него разок.

Бабушка лежала, приоткрыв рот, а Вера и Годунов сидели, не смея шелохнуться. Наконец, Годунов показал взглядом на дверь, и Вера кивнула.

– Увидимся в депо, – шепнул он ей в дверях.

Лиза

Города сложены из историй. Множества историй, коротких и длинных, радостных и печальных, достойных великих книг и не достойных даже милицейского протокола. Они влезают в дома и вылетают из них, как дым из трубы.

После случайной встречи Годунов не переставал думать о девушке из двора с каштанами. Он почти не запомнил её лица, но расплывчатый образ то и дело всплывал в памяти, будто кто-то подсовывал под нос карандашный набросок. После учёбы Годунов теперь не искал компанию, а бесцельно шатался по улицам. Как-то раз он очнулся перед старинной стеной и в сладком предчувствии шагнул в калитку. Каштаны давно отцвели, только старый москвичонок все так же грустил на столбиках из кирпича.

Двор был жилым – келейный корпус, видимо, приспособили под квартиры. В храмах раньше располагалось какое-то предприятие, но теперь оно было закрыто и четверики медленно разрушались.

Зачем он ушёл тогда, чего испугался? Но разве так уж велик Ярославль? И так ли много мест, где водят экскурсии? Годунов решил – он найдет девушку, и будь что будет.

Теперь каждый день после лекций он шёл на набережную, к церкви Ильи Пророка, к Вечному огню, не забывая, конечно, и Афанасьевский. Доходил и до Иоанна Предтечи, с его пятнадцатью главами и колокольной, за которой дымила труба завода – казалось, колокольная покуривает. Поиски не давали результата, но Годунов ещё не умел страдать.

Заодно он приглядывался, прислушивался к городу. Оказалось, каждая улица, каждый дом, каждая деталь что-то говорят о живших когда-то людях, об их привычках, делах, надеждах. Сначала рассказ был как сбивчивый шёпот, но с каждым разом Годунов различал его все чётче.

Он научился проникать без билета в музей-заповедник, тихонько смешиваясь с большими группами туристов. Там, в бывшем Спасском монастыре, можно было сидеть на скамейках с книжкой или конспектами, пить чай из пластиковых стаканов в кафе или даже пронести с собой пиво, купленное на собственные деньги – с первого курса он работал дворником на улице Кирова.

Иногда он покупал билет на звонницу, поднимался по узким тёмным лестницам на смотровую площадку и любовался городом, потягивая ярославское пиво из жестяной банки. Музей был лучшим местом для засады. Почти каждая группа заходила сюда, значит, рано или поздно юная экскурсоводша появится.

Мысленно он репетировал встречу, представлял, как прибьётся к туристам, а после завершения экскурсии расскажет свою легенду – попросит помощи в поиске одного дома в Ярославле. В начале девяностых многие копались в своих семейных историях. Вот и он придумал, что ему нужно найти родовое гнездо.

Он подыскал этот дом, двухэтажный особняк на улице Терешковой. У входа торчали из асфальта два покосившихся гранитных конуса – такие столбы-отбойники когда-то защищали пешеходов от извозчиков. Об этой примете, якобы сохранённой семейным преданием, он и собирался поведать при встрече. Помочь девушка не откажется, найти дом по единственной детали трудно, и у него будет время вызвать ответные чувства. В то, что это удастся, верилось интуитивно и безоговорочно. Поиски длились уже месяц. Он не переставал думать о ней и на лекциях в университете, и во время прогулок, и на дворницкой работе.

На работу Годунов старался выходить пораньше, часов в шесть. Не хотелось, чтобы знакомые увидели его в замызанной стройотрядовской курточке, брюках от костюма с заплатой на колене и серых от въевшейся пыли ботах. И ещё ему нравились ярославские рассветы, когда небо прохладно-голубое, и солнечные лучи только начинают отогревать золотые кресты и рыжеватые крыши домов.

В то утро он заметал мусор на совок – самая неприятная, неудобная процедура, и вот, когда он разогнулся, держа наперевес лопату, полную пыли, окурков и обёрток, он и заметил Лизу.

Солнце встает в Ярославле за Волгой, поднимается над Тверицами, оживляя мягким жёлтым светом разбегающиеся от церкви Ильи Пророка улицы. Она шла по Кирова со стороны Ильи, лицо было в тени, а силуэт светился, особенно волосы. На ней была всё та же малиновая куртка, солнце прожигало ткань, отчего сияние было алым. И всё тот же румянец на щеках.

Приближение девушки он видел будто в замедленном изображении, или же мысли летели так быстро, что реальность не успевала за ними. План сгорел. Подходить в таком виде нельзя. Говорить им не о чем. Но нельзя и упустить. Ничего решить Годунов так и не успел. Девушка почти поравнялась с ним, когда он вдруг потерял равновесие и, не выпуская из рук лопату, рухнул на тротуар.

– Молодой человек, что с вами?

Годунов открыл глаза. Девушка склонилась над ним, слегка потрясывая за плечи.

– Не знаю, в глазах потемнело...

– Вегетососудистая дистония?

– Да. То есть, нет. То есть, не знаю. Бывают такие приступы. Наверно, надо к врачу.

– Беспричинный страх?

– Ну да. И ещё не ел давно. Устал. Как-то всё сразу...

Впоследствии он так и не определил, был ли обморок настоящим. Ему казалось, что ноги подкосились сами собой, а в глазах потемнело – то ли шок от встречи с любимой, то ли отчаянная симуляция.

– Хотите чаю? У меня есть термос.

– Да, если можно.

– Помочь встать?

– Я сам, спасибо.

Она всё же придерживала его за руку, когда он поднимался с асфальта. Годунов доковылял до стены магазина и присел на подоконник – низкие окна тут с незапамятных времён служили витринами. Девушка села рядом, достала из рюкзака маленький термос, отвинтила крышку и осторожно наполнила её чаем. От чая поднимался пар, подсвеченный первыми лучами. Улица была почти пустой, только дворники синхронно махали метлами вдали, да сзади, на Первомайской, урчал электродвигателем троллейбус. Годунов ещё не верил своему счастью.

– Годунов.

– Романова.

Годунов улыбнулся. Девушка, сначала недоверчиво смотревшая на него, вдруг начала подсмеиваться. Он хлебнул чая и спросил:

– А имя? Марфа?

– Лиза. Ты что, историк?

– Да... Ты ведь тоже.

Лиза кивнула. Годунов хлебнул ещё.

– А я тебя помню. Ты тот нахал, который влез в мою экскурсию.

– Встреча становится судьбоносной.

– Ты пей, пей, у тебя руки дрожат.

Годунов взглянул на руки – они, действительно, подрагивали. От Лизы словно шло излучение, в волнах которого всё было не так, как обычно. Вот, пожалуй, главное, что почувствовал тогда Годунов.

– От холода.

– Или голода?

- Если честно, очень хочется есть.
- Гастроном ещё закрыт. Но у меня есть два бутерброда с колбасой. Будешь?
- Давай.

Лиза достала бутерброд, завернутый в газету, и подала Годунову.

- А ты?
- Прямо здесь?
- Тебе стыдно завтракать с дворником?
- Нет. Просто никогда не ела бутерброды на улице Кирова.
- Всё когда-нибудь бывает в первый раз.

Лиза достала и второй бутерброд. Годунов куснул и зажевал с наслаждением, запивая чаем.

– Что слушаешь? – Годунов кивнул на наушники на шее девушки. На ремне джинсов висел кассетный плеер.

- Гребенщиков.
- О! Какой альбом?
- «Равноденствие».
- Неужели? И будь я проклят, если это мираж!
- Тебе тоже нравится?
- У меня есть все альбомы. Один мой одноклассник – музыкант, играет в группе. И сегодня у них концерт. В «Казармах». Есть две контрамарки. Не хочешь послушать?

– Не знала, что в Ярославле есть музыканты. Это рок?

– Ещё какой! Может, даже и покруче «Аквариума».

– Сегодня вечером я свободна. И ты расскажешь мне про ярославскую музыку?

Годунов понял, как ему, наконец, повезло.

– Конечно! Я почти всех знаю. Это угол Свободы и Победы. Казармы рядом с трамвайным депо. Там, где башня со звездой. Давай у башни, в семь часов.

– Хорошо. Мне, кстати, нужно на пару.

– А мне надо доделать работу.

– Как себя чувствуешь?

– Благодаря тебе – отлично. Придешь?

– Приду, – Лиза встала, подхватила рюкзак и пошла в сторону Знаменской башни.

Годунов заворожённо смотрел на колышущиеся волосы, а когда девушка свернула у гастронома, вскочил с подоконника и принялся отчаянно крутить в воздухе метлой.

– Ша-олинь, Шаолинь! – разнёсся протяжный крик над улицей Кирова.

Выжженная земля

Чтобы найти дом, Годунову не нужно было сидеть над картами, разглядывать старые фотографии или бродить по улицам. Он делал это тысячи раз, изучил город так, что мог мысленно летать над ним, приближаясь или удаляясь. Он видел Ярославль двойным зрением – и то, что есть, и то, что было раньше.

Очевидно: дом, о котором говорила Вера, построен в начале двадцатого века. Названные детали указывали на модерн. Изразцовая плитка и решётки с травяным узором на крышах были самой верной его приметой. Таких домов в городе осталось немного. Найти несложно, труднее проникнуть на чердак и обнаружить тайник. Не говоря о том, что это мог уже сделать кто-то другой.

Под описание подходили два здания. Одно – особняк купца Вахрамеева на улице Собинова. До недавнего времени там располагалась туберкулёзная больница. Второе – дом купца Романова на нынешней улице Пушкина, тот всё ещё оставался жилым.

Вера и Годунов встретились на Мукомольном, повернули на Собинова и остановились перед вахрамеевским домом – самым странным среди уцелевших современников. Построенный буквой «Г», короткой частью фасада он загибался вглубь квартала. На углу башенка с крышей, похожей на шляпу магистра. Верх башни украшало панно из цветной плитки. По краю крыши шла чугунная решётка.

– Знаешь, что за узор на решётке? – спросил Годунов.

– Нет. Похоже на взбесившиеся макароны.

Годунов скривился.

– А вот тут ирония неуместна.

– Да ладно тебе. Расскажи, ну пожалуйста, – заюлила Вера.

– Это греческие буквы. Альфа и Омега. Начало и конец.

Двор был завален строительным мусором. Изнутри сквозь приоткрытую дверь доносилось пение дрели. Годунов вошёл, Вера последовала за ним в коридор со сбитой штукатуркой. На стенах обнажился старинный красный кирпич, а пол скрывал слой грязи. Из коридора они попали в холл, где в тумане из пыли и дыма курили трое усталых ремонтников. На пару они взглянули равнодушно.

– Мужики, на чердак ход где? – спросил Годунов.

– Направо дверь, потом по лестнице, там налево и ещё раз вверх, – отозвался один.

– Спасибо.

– Не булькает!

– Булькнет! – Годунов подмигнул, а рабочие заржали.

Они вышли из холла, свернули на лестницу и поднялись на второй этаж.

– Так просто? – шепнула Вера.

– Повезло, – пожал плечами Годунов. – Дверь ещё может быть закрыта.

Замка не было, дверь поддалась, с чердака повеяло холодом. Годунов достал фонарик и посветил вперёд. Это был обычный чердак, только очень большой. Мощные брёвна-стропила, брёвна-стяжки на полу, сам пол покрыт слоем пыли, завален всякой рухлядью – тряпками, бидонами, старыми рамами.

– Не хватает только пулемета «Максим», – пробормотал Годунов.

Они принялись искать, оглядывая и ощупывая нижние части стропил и другие укромные места. Вера светила, Годунов шарил, посадив пару заноз, потом они поменялись. Но нет, ничего не было. Пройдя чердак по периметру, они приблизились к двери, и там под одной из балок Годунов нащупал прямоугольный предмет, завернутый в кусок ткани. Он был плотно загнан между сочленением двух стропил, и достать получилось не сразу. Годунов нашел ржавую скобу, подsunул её и вырвал находку из паза.

– Есть!

Плоский предмет размером с книжку был обтянут пыльным-пыльным холстом. Годунов нетерпеливо развернул его.

– Чёрт.

– М-да.

– Нашли, да не то.

Годунов держал небольшую иконку с неведомым святым. Они быстро обшарили оставшуюся, совсем небольшую часть и ничего не обнаружили.

– Надо уходить.

– А что с иконой?

– Заберём.

– Это не воровство? – засомневалась Вера.

– У кого? Хозяина сто лет нет в живых. Здесь была больница, а сейчас кто-то выкупил здание. Хватит с него и стен.

Они спустились по лестнице, прошмыгнули мимо рабочих и вышли в полутёмный ярославский вечер. Была оттепель, снег на улицах стоял, мокрый асфальт отражал свет фонарей и дальних светофоров. Они пошли по Собинова. На углу с улицей Свободы обнималась парочка. Годунов остановился, им горел красный, Вера хитро шурилась.

– Что-то случилось? – спросил Годунов.

– Смотри, как они целуются.

– Ну и что?

– В Юрьевце так не принято.

– Чем больше город, тем меньше людям дела друг до друга.

– Но я и в Москве такого не видела. А здесь почти каждый день. Даже свои типы есть.

– Типы чего?

– Ярославских уличных поцелуев. Смотри: это тип номер один: «Кролик и удав». Он её обхватил всем, чем только можно, того и гляди съест.

Годунов посмеивался.

– Знаешь, так удивительно, что бабушка рассказала всё это сейчас. Она никогда ничего такого не говорила. И мама тоже. Такая история, и столько лет молчать.

– Ничего удивительного. Во-первых, в их времена не принято было рассказывать всем подряд, как ты забеременела без штампа в паспорте. Странно как раз то, что всё же рассказала. А, во-вторых, скорее всего, никто и не спрашивал. Для того, чтобы знать, нужно интересоваться. А люди обычно заняты только собой, другие им по барабану.

– А знаешь, я бы хотела, чтобы ты показал мне город.

– Ты точно этого хочешь?

Вера кивнула.

– Но я не экскурсовод.

– Ты же столько знаешь.

– Хорошо. Но это будет не совсем экскурсия.

– А что?

– Тебе придётся довериться. Готова?

– Да, – беспечно сказала Вера. – Я готова.

Они вышли на улицу Свободы и зашли в бар. Тотчас же перед ними вырос молодой высокий бармен: «Что будете?»

– Плесни нам чего-нибудь покрепче.

– Виски, коньяк, ром, водка, текила?

– На твой выбор. Что-нибудь, чтобы не очень дорого и согреться. Мы выпьем по рюмашке и пойдем дальше. Холодает.

– Понял, – бармен исчез и тут же вернулся с двумя стаканами, на дне которых плескалась мутноватая жидкость. Рядом со стаканами бармен поставил блюдце с лимоном и горочкой соли.

– Что это? – спросила Вера, приносясь.

– Вероятно, текила. Но это неважно.

– Почему?

– Такие правила, – Годунов поднял свой стакан.

Вера сделала то же самое. Они выпили. Годунов сразу расплатился, и они вновь вышли на улицу Свободы. Впереди виднелась башня – белый кирпичный куб с зубцами наверху и аркой у основания.

– А вот теперь слушай. Это Власьевская башня. Когда-то здесь была граница города – земляной вал со стенами и башнями. Под Власьевской был главный въезд в город, ворота. Видишь арку? Через неё и попадали в Ярославль, и мы сейчас попадём.

Годунов рассказывал, что башню называли по соседней церкви святого Власия. В советское время церковь снесли, на её месте построили гостиницу.

Годунов говорил ровно, без эмоций, не подбирая слова, Вера внимательно слушала. Они прошли по пешеходному переходу и приблизились к арке в башне.

– Но, может, такой закон истории, – продолжил Годунов, пока они проходили под аркой. Под сводом голос звучал гулко. – Валы ведь тоже срыли, когда посчитали, что в них нет необходимости.

– А башню почему оставили?

– Хороший вопрос.

Они остановились, и Годунов рассказал, что над воротами башни была написана икона Знамения – в Ярославле вообще любили иконы на стенах. Эту икону считали чудотворной. В конце восемнадцатого века генерал-губернатор Мельгунов, ученый и масон, решил разобрать башню на кирпич для постройки сиротского дома. Но ярославцы взбунтовались. Губернатор сначала раздражался: картинка на стене для этих упрямцев важнее, чем дом для детей! Но, поразмыслив, Мельгунов решил, что так даже лучше. Он предложил выкупить чудотворную фреску. Вернее, не фреску, а то, на чём она была написана. И богатейшим купцам пришлось оплатить новый кирпич для Дома призрения ближнего.

Ещё через сто лет сторожевая башня стала водонапорной. Для бака городского водопровода возвели новый ярус. Это с внешней стороны. А с внутренней сначала пристроили часовню для той иконы, а потом и церковь Знамения. От неё и пошло второе название башни – Знаменская. Для военных целей укрепление использовалось лишь один раз, в 1918-м, в Гражданскую. Тогда, во время белогвардейского мятежа под башней стояла пушка, отбивавшая атаки красных со стороны Всполья, а на самой башне – пулемёт.

– Иначе говоря, эта башня – сумасшедшая смесь ярославской практичности и ярославского же мракобесия. О чём всё это говорит?

– Без понятия.

– Во-первых, это говорит о том, что нужно меняться, чтобы выжить. Что вчера было ценным, завтра может оказаться бесполезным и даже вредным. А во-вторых, это говорит о том, что нужно выпить.

Они уже перешли оживлённую Первомайскую и попали на пешеходную улицу Кирова. Два ряда старинных домов, и ни один из них не выделялся, не бросался в глаза, вся улица выглядела уютной, обжитой и ухоженной. Первые этажи зданий занимали магазины и кафе с броскими вывесками. Только людей почти не было.

– А вот как раз и место, где мы это сделаем.

Перед ними была дверь, а рядом с ней вывеска «Коктейль-бар». В свете фонарей Вера увидела снежинки. Они висели в воздухе, как пух, будто побаиваясь пока лечь на серую плитку улицы Кирова. Достигая уровня мостовой, снежинки не закрывали её, а выстлали тончайший серебристый искрящийся слой.

– Объясни уже, что происходит, – потребовала Вера, когда они зашли в бар и подсели к стойке.

– Тактика «выжженная земля» – лучший способ знакомства с новым городом. Ты идёшь от заведения к заведению и в каждом выпиваешь что-то по желанию бармена. Превращает банальную экскурсию в увлекательное алкопутешествие. Яркие впечатления, исчезающие воспоминания. Сказка с непредсказуемым концом. Изобретено в Ярославле.

Бармен принес глинтвейн. Внутри и у Веры, и у Годунова потеплело, заведение выглядело уютным, а люди вокруг – милыми и доброжелательными.

Они покинули бар и вышли на Советскую площадь. Перед ними поднимался подсвеченный Илья Пророк – белый, подтянутый, важный, словно старый капитан в парадном мундире.

– Город начинается отсюда, – сказал Годунов.

Два с лишним века назад Ярославль, как и десятки других городов, решено было перестроить по новым планам – с прямыми улицами и просторными площадями. Всё тот же генерал-губернатор Мельгунов провёл линии новых улиц от церкви Ильи Пророка к башням старинных укреплений и другим церквям. Центральная точка могла показаться случайной, но Годунов не верил в случайности. Мысль, положенная в основу города, не могла быть мелкой.

Очевидно: главное место было выбрано по имени. Предсказатель и громовержец, отнимающий время повелитель медвежьих лап, Илья соответствовал ярославскому нраву.

На улице снег уже шёл в полную силу. Площадь побелела. Вера остановилась и смотрела то на церковь, то на башню, сверяя реальность с рассказом.

– То есть улицы идут от церкви как лучи от солнца, так?

– Именно.

– Он это всё придумал, а мы теперь живём в его мечте – чужой мечте далекого нам человека.

Годунову мысль понравилась. Они вернулись на Кирова и зашли в новый бар. Сразу за дверью была стойка, но Годунов повёл Веру куда-то вглубь, и они вышли в ресторан, оформленный в японском стиле. Расположились у огромного окна, прямо под искусственной сакурой с пластмассовыми цветами. За окном сыпал снег, снаружи их японский садик казался чем-то вроде аквариума. И наоборот, законная картинка напоминала посетителям прямую трансляцию из далёкой страны.

Официант подошёл, Годунов заказал sake, затем повернулся к Вере.

– Думаешь, мы в Японии?

– Похоже на то.

– Нет, мы в жопе. И не просто жопе, а жопе с большой буквы. Большой ярославской Жопе. Ещё её называли «Бристоль», а также кафе «Мороженое». По факту тут продавали кофе и портвейн. Здесь собиралась ярославская тусовка. Или богема. Поэты, музыканты, художники разных мастей, гении, бездари и просто психи. Главным был ресторан, вход туда был с Кирова, а в кафе заходили как бы с заднего хода, поэтому его и называли Жопой. В общем, запомни, для ярославцев постарше это не ругательство. Это – ностальгия.

Тогда не было никаких кресел, были столики, здесь, где мы сидим, шёл длинный столик у стены вдоль всего окна. Тут стояли, выпивали и говорили о поэзии и смысле жизни.

Официант принес заказ. Вера подняла рюмку, улыбнулась и поднесла свою стопку к Годуновской.

– И что, в Ярославле много поэтов?

– Да их тут тьма. Тогда можно было, стоя у окна, плюнуть через плечо и быть уверенным, что попадёшь в поэта. Иногда даже в великого.

Вера улыбнулась.

– Кто-то стал знаменит?

– Представь, никто. Большинство, конечно, уже спились и умерли. Я бы сказал, что Ярославль – город поэтов-неудачников. Город бывших поэтов.

– Почему?

Годунов пожал плечами.

– Наверное, потому что город слишком большой, чтобы гордиться каждым. И потому, что город слишком маленький, чтобы прокормить хотя бы пару-тройку великих поэтов... Тут, в принципе, всем на этих поэтов глубоко наплевать.

– Я и гляжу, что это у вас любимое занятие.

– Здесь театр любят больше поэзии. Даже Бальмонт тут выпрыгнул из окна.

– Прямо с первого этажа?

– Нет, со второго. Тогда ресторан был там. Потолки метров пять, лепнина, высокие окна.

– Правда выпрыгнул?

– Конечно, нет.

– Жалко.

– Здесь бывали поэты и поинтереснее. Например, Беляков.

– А это кто ещё такой?

Годунов встал.

– Пойдём. Про Белякова я расскажу тебе в другом месте.

– Где?

– На Подбелке. – Годунов нарочито откашлялся и произнес голосом вагоновожатого, объявляющего остановку. – Следующая часть экскурсии – Поэтическая.

Они покинули японский ресторан и пошли по краю площади в сторону большой часовни в русском стиле. Около неё свернули в винный магазин, где Годунов прикупил две крохотные бутылочки какого-то бальзама.

Выйдя из магазина, пара дошла до круглого здания с колоннами, а оттуда вышла на Бого-явленскую площадь.

– Видишь – в центре памятник?

– Ага.

– Князь Ярослав. Но ярославцы называют его «мужик с тортом».

– А что у него на самом деле в руке?

– Башня. Символ города, который он якобы основал. Сразу тебе скажу, что факт основания города именно этим товарищем – байка, основанная только на совпадении имени князя и названия города. Некоторые особенно эстетствующие ярославцы, ты заметила, что их у нас немало?

– Я заметила.

– ...до сих пор возмущаются, почему мужик с тортом стоит лицом к Москве и спиной к Ярославлю. Они считают, что надо наоборот, повернуться к Москве задом, а к Городу передом. Хотя кто же показывает спину врагу?

Вон там – Главпочтамт, бывшая гостиница Пастухова. В ней в 1918-м году был штаб мятежников-белогвардейцев, правда, недолго. Потому что красные начали поливать из пушек как раз со стороны Москвы, и штаб перенесли вглубь города. Но поливали хорошо, и полностью разрушили южное крыло Гостиного двора, которое выходило раньше на площадь. В честь Гостиного двора называли вот эту забегаловку, – Годунов показал на небольшую конструкцию из стали и стекла с вывеской «Гостиный дворик», – которую, как говорят, скоро снесут, но она останется в веках.

– Ничего не поняла. Почему снесут? Почему останется?

– Да потому, что всё тлен, кроме искусства. И трамвая. Давай за это выпьем.

– Нельзя же, – Вера покосилась на милицейскую будку рядом с «Гостиным двориком».

– Чужим нельзя, а своим можно.

Годунов открыл бальзам и протянул Вере.

– Зажми её в кулачок. А теперь зевни и прикрой рот кулачком, как приличная цивилизованная девочка.

И Годунов показал пример, проглотив половину содержимого бутылочки. Получилось не очень натурально, но издали, вероятно, должно было казаться, что интеллигентный мужчина воспитанно зевнул.

– А теперь смотри и слушай. Стихи Белякова – они как ребусы. Ярославцам я бы сначала рассказал, а потом потребовал угадать, о чём речь. Но тебе скажу сразу, это зарисовка одного праздника в середине девяностых.

Стеклянные мальчики вышли смотреть салют

Глаза протирают и город не узнают

На зыбком крыльце перелетного кабака

Годунов показал на «Гостиный дворик».

*Фарфоровых девочек трогают за бока
Фригидная площадь, фаллический пьедестал*

Годунов махнул рукой в сторону площади.

Где каменный ГОСТ инструменты держать устал

Рука указала на памятник, Вера улыбнулась.

Плацкарта почтамта и флаги-нетопыри

Годунов сделал широкий взмах рукой в сторону почтамта, словно демонстрируя его протяжённость и, одновременно, колыхание флагов. Милиционер у будки повернул голову в их сторону, но сразу отвернулся.

Всё дышит снаружи и светится изнутри

*Нечаянный праздник летит на семи ветрах
Усы распустил, беспородным вином пропах
Сиятельный ноль, надувной голубой налим
Давайте ловить его и любоваться им*

– Ловить. И любоваться. Как здорово!

Вера подмигнула.

– Зевнём по глоточку?

– Зевнём.

И они допили бальзам.

– Это, собственно, и есть Беляков.

– А где он сейчас? Там же где и был?

– Фигурально говоря, да. В стране его знают, да и за рубежом кое-где. Но ярославцам всё равно. Страшные снобы.

Текила, глинтвейн, саке и бальзам сделали свое дело – Годунова слегка покачивало, а походка Веры стала легкой.

Они, конечно, зашли в «Гостиный дворик» и сели на втором этаже у окна. Отсюда была видна вся площадь. Здесь на просьбу налить «чего-нибудь» официант, не моргнув глазом, налил водки. Вера смотрела на водку с сомнением.

– Боишься? – участливо спросил Годунов.

– Есть немножко. Со школы не пила водку без закуски. Но ведь это правила?

– Правила для того и существуют, чтобы их нарушать. Что будешь?

Из того, что побыстрее, в меню нашлись только пельмени. Они выпили и закусили.

– Главное, конечно, это церковь.

– Какая? – спросила Вера с набитым ртом.

– Вон та, – Годунов показал в окно. За памятником стояла Богоявленская церковь, припорошенная, словно обсыпанный сахарной пудрой торт-бизе.

– Что с ней не так? В смысле, чем она необычна. Ты ведь рассказываешь про всё необычное.

– Её необычность заключается в её обычности. Нет никакой легенды. Никто никого не убил. Никто ничего не украл.

– Уже довольно необычно.

– Это просто. Невероятно. Красивая. Церковь. Она никогда не бывает одинаковой.

– Погоди. Она сейчас точно такая же, как когда ты рассказывал стихотворение. И твой поэт ничего про неё не написал. Про почту написал. Про мужика с тортом написал. А про церковь нет. Ничего невероятного. Такая же церковь, как и все.

– Нет, ты ничего не понимаешь, она совсем другая.

– Обыкновенная, – упрямилась Вера.

– Сама ты обыкновенная.

– Женщинам такое не говорят, чурбан ты неотёсанный.

– Я это не имел в виду. Нет, ну ты должна понимать.

Годунов чувствовал, что несёт пьяную чушь, но останавливаться не хотелось.

– Доводы без аргументов.

– Просто надо выпить, и ты всё поймёшь.

– Уверен? А правила?

– Да чёрт с ними.

Они заказали ещё и выпили.

– Я понял! Конечно, не та точка! Надо же смотреть с моста. Пойдём.

Они вышли на площадь. Подмороживало, снег перестал. Из-за колокольни выглядывал месяц. Обогнув площадь, Вера с Годуновым вышли на мост. Слева темнела река.

Мимо проносились троллейбусы и машины, а Годунов рассказывал, что раньше здесь ходили только трамваи. Первая ветка в городе, проложенная от вокзала до волжских пристаней. Мост назывался Американским, первоначально он и был таким, как в вестернах – с сетчатыми металлическими конструкциями по бокам. Именно по нему и шла бабушка Веры в гости к Коле.

В конце моста, прижавшись к перилам, целовалась юная парочка. Девушка стояла к парню спиной, он обнимал её. Целоваться так было неудобно: юноша вытягивал шею, словно гусь, а его подружка повернула голову назад до предела.

– А это что за тип? – спросил Годунов Веру.

– Это? Тип номер два, «Вывих шейных позвонков». Опасная штука.

– У воды всегда так.

– Точно. Там ведь набережная? – Годунов кивнул. – Я там с мужем познакомилась. Только не зимой, а летом.

– Ты же из Юрьевца.

– А встретились здесь. Я тогда окончила школу и не поступила в институт. Хотела в Иваново на бухгалтера, тогда все мечтали быть бухгалтерами и юристами. Мне никто не сказал, что просто так, без взяток и знакомств, ничего не выйдет. И я приехала, такая наивная девочка. Страшно расстроилась. Как провалила экзамены, так и сбежала к бабушке в Ярославль. Она тогда мне сказала: «Не поступила – иди работай». Я и пошла по объявлению – сувениры продавать. На набережной, где две реки соединяются.

– На Стрелке.

– Точно. Там ещё беседка и фонтаны. Меня тогда они удивили.

Годунов захотел подробностей, и Вера рассказала, как хозяин выдал зонтик от солнца, складной стол и стул, как раскладывала на столе глиняные свистульки, значки, открытки и календарики с видами города. Торговля шла кое-как, платили копейки, но Вере все это

страшно нравилось – можно было читать книжки, глазеть на нарядно одетых прохожих или вглядываться в названия теплоходов, спешащих к пристани Речного вокзала.

Однажды собралась гроза. Небо за Которослью, над Иоанном Златоустом набухло тьмой. Вера спешно собрала сувениры и едва успела побросать всё в полосатую сумку, как липы над головой захрустели от внезапного шквала. Зонт, под которым Вера пряталась от солнца, опрокинуло и швырнуло через ограду набережной в обрыв. Хлынул ливень, Вера бросилась к лестнице. Она пробежала два пролета, не выпуская из виду зонта, который катился по крутому откосу, подпрыгивая и переворачиваясь. Внезапно ударил гром, от неожиданности она поскользнулась, пролетела несколько ступенек, упала и заревела. Зонт несло в реку, но вдруг к Вере подскочили невесть откуда взявшиеся двое парней. Один помог встать, а второй побежал за зонтом.

Гроза избавила от условностей. Зонт был пойман, сувениры спасены, они пошли в кафе отогреться чаем. Молодые люди ехали в Москву из Иванова и почему-то позвали с собой и её.

Она и сама не поняла, что произошло тогда, почему она бросила всё: сувениры, бабушку, планы, страхи, стыд и поехала. Бабушке Вера позвонила уже из Москвы. А через пять месяцев Вера вышла замуж. Ей было тогда восемнадцать.

– Неразумное решение... И обычное для такого возраста, – сказал Годунов.

– Столько лет прошло, а всё как вчера. И опять я в Ярославле, и опять с бабушкой.

– И работа по объявлению. Жизнь состоит из повторов.

– Как трамвайный круг?

– Типа того.

– Как ты любишь обобщать. В такой жизни ничего хорошего. Ошибся раз – и будешь ошибаться всю жизнь. Нет, я верю, что есть и прекрасный случай.

– Кто ж тебе запрещает. Верь. Пока не убедишься в обратном.

– Я замёрзла, – Вера облокотилась о перила моста, её глаза были влажноваты. – И есть хочу. Пельмени были отвратительные, если честно.

– Ты знаешь, кто делает лучшие пельмени в этом городе?

– Неужели вожатый Годунов?

– Он самый. И у меня в морозилке прямо сейчас лежат пельмени из свежайшей баранины. Хочешь, угощу?

Что было дальше, Годунов помнил плохо. Помнил, как дошли до остановки и сели в шестнадцатый автобус, что по дороге он зашёл в магазин и купил ещё выпить. Помнил, как от надкусанных пельменей валил ароматный пар. Помнил, хоть и довольно условно, что Вера в итоге признала красоту той церкви. А потом всё, финальные титры. Тёмный экран.

Дом Романова

Годунов проснулся в своей комнате в коммунальной квартире в переулке Минина. Было ещё темно. Он лежал, боясь пошевелиться и увидеть рядом с собой Веру. Он не собирался с ней спать, не собирался даже приближаться к этой черте. Но смесь пяти напитков могла сотворить неожиданное.

Годунов пошевелился и понял, что диван разложен. Он никогда его не раскладывал, если спал один. Более того, диван был застелен простынёй. Он прислушался, чтобы услышать дыхание Веры, но услышал только своё. Это ни о чём не говорило, многие женщины спят очень тихо. Осторожно он стал двигать рукой по направлению к стене.

Рука наткнулась на препятствие. Чёрт, чёрт! Может убежать, а там всё как-нибудь само рассосётся? Он ощупал препятствие и понял, что это скомканное одеяло. Сейчас это одеяло

казалось горной цепью, за которой лежит неизведанное. Надо было собраться и преодолеть её. Годунов собрался и преодолел. Пустота. Ещё пустота. Стена! На кровати никого не было!

Годунов добрался до выключателя и нажал на тумблер. Комната была пуста. Он огляделся. Ничей одежды, кроме его собственной. Уф. Но где же Вера? И кто и зачем разложил диван?

Мукомольный переулок, где сходятся маршруты первого, второго, третьего и семёрки, Годунов любил с детства. Отсюда начинались путешествия: к бабушке, родственникам, в шахматную секцию, на рынок. Переулок был связан и с историей его семьи. Здесь, в бывшем купеческом доме, украшенном по фасаду лепниной в стиле рококо, некогда располагался ЗАГС. В старом семейном альбоме, обшитом красным бархатом, хранилась фотография – отец и мать стоят у двери особняка, а сзади идёт к Подбельке старый трамвай, тогда они ещё были «горбатыми». Мама в свадебном платье, фата сбилась на сторону, на губах застыло неведомое полуслово, рука будто подаёт кому-то сигнал. Папа, похожий на барабанщика «Битлз», наоборот, уверен и спокоен. Вокруг суетятся какие-то люди. Фотограф, видно, случайно нажал на кнопку, не успев выставить кадр.

Эту фотографию Годунов помнил очень хорошо. В альбоме она была одна, где оставался отец. Все остальные мама изъезжала, когда папа ушёл из семьи. Места с белыми уголками выглядели провалами в семейной истории, но не в памяти. Когда маленький Годунов оставался дома один, он часто вытаскивал альбом из серванта и подолгу разглядывал фото родителей. Мукомольный переулок стал символом потаённого счастья, местом соединения, а не расставания. Трамвайный перезвон, где бы он ни слышал его, звучал музыкой детства.

Внутри трамвайного кольца росли старые тополя. Каждую осень, оголяясь, они расстилали на Мукомольном жёлто-коричневый плед. Хорошо было петлять по тропинке между деревьев, зарывая ботинки в шуршащую листву! Когда Годунов был школьником, его класс выводили сюда сгребать листья. Одноклассники дурачась фехтовали граблями, а Годунов представлял себя внутри магического круга, который нужно защищать от враждебных сил. Он подходил к рельсам и крутил грабли, нанося смертельные удары невидимым врагам.

Трамвай останавливался у паперти двух храмов – низенькой Похвалы Богородицы и статного Дмитрия Солунского. В девяностых годах Похвалу открыли, на паперти толклись нищие и голуби. Мукомольный завод тогда ещё работал, и голуби всегда были раскормленные, в отличие от худых и оборванных нищих. Затем завод закрылся и начал разрушаться, массивное здание с пустыми окнами и высокой башней напоминало брошенный замок. Голубей продолжали кормить окрестные старушки, а нищих вскоре выгнали.

Годунов заметил трамвай Веры первым, выезжая с кольца Мукомольного. После экскурсии они не виделись несколько дней. Непонятно отчего Годунову вдруг захотелось вжаться в сиденье, спрятаться, проскочить мимо. Но Вера быстро отыскала его взглядом. Несколько секунд трамваи ехали навстречу, Вера улыбалась, в последний момент и он заглянул ей в лицо. Вера улыбнулась шире, Годунов не выдержал, улыбнулся в ответ. Да нет, ничего не было. Она просто рада его видеть.

С Верой нужно было встретиться и поговорить. Он не имел ничего против дружбы с женщиной. Годунов знал, что люди нужны друг другу, волей-неволей приходится вступать в отношения. Честнее всего отношения обмена, когда люди прямо говорят, в чём они нуждаются и что готовы предложить сами. Идеальным примером был трамвай: вагоновожатый отдавал пассажирам свое время, преобразованное для них в расстояние. А пассажиры отдавали ему еду, одежду, кофе и книги, превращённые для простоты в рубли.

В дружбе люди меняли время на время просто так. В любви к времени добавлялся секс, часто подмешивались жажда благополучия и бессмертия. Самым неприятным в отношениях обмена был обман. Когда человек предлагал одно, а давал другое, или вообще ничего не давал.

Для Годунова тут дело было не в потерях, а в том, что обман покушался на порядок, ломал мелодию жизни.

Единица ушла, а сомнения вернулись. Он поделился ими с гипсовым Пушкиным, сидящим у входа в сорок третью школу. Белый романтик со взбитыми сливками на голове не очень желал их развеивать. «Ничего ведь не было?» – спросил он у Николы Мокрого. Строгий Никола был скорее согласен, но можно ли полагаться на мнение храма с падающей колокольной и сомнительным прозвищем?

Проехав круг, он снова захотел увидеть Веру и ещё раз заглянуть ей в глаза. Надеяться на такую встречу из-за разной длины маршрутов было, впрочем, наивно.

Он обязательно с ней поговорит завтра. Или послезавтра. Или на следующей неделе, так даже будет лучше. Этот разговор надо обдумать за чашкой кофе. Годунов направился в «Арс». Сегодня там спектакль, кафе работает допоздна, можно спокойно посидеть в дальнем углу.

С мороза очки сразу запотели, Годунов сел на любимое место, ожидая, когда стёкла отойдут. В этом была своя прелесть – мир скрылся за пеленой тумана или же он сам спрятался за водяной кожей окуляров. Что ему за дело до мира? И куда спешить? Он даже зажмурился, усиливая эффект.

Пришло время сходить за кофе. Годунов открыл глаза. Стёкла очков прояснились. За соседним столом сидела Вера с чашкой чая и надкусанным пирожным. Поняв, что замечена, она встала и подседа к Годунову.

– Привет. Извини, что вторглась. Не думала, что ты будешь здесь. А я же не знаю других мест. Зашла посидеть и подумать. Я хотела тебя найти, но не знала как.

– Зачем?

– Продолжить то, что начали. Мы ведь в прошлый раз не договорились. Извини, я тогда перебрала с алкоголем.

– Я должен тебя извинять? – удивился Годунов. – Ведь я же тебя напоил.

– У меня должна быть своя голова на плечах.

– И ты, по-моему, оказалась покрепче.

Вера чуть улыбнулась, собрав морщинки около глаз.

– Да что ты.

Оба замолчали.

– Да, я помогла тебе лечь, если ты это имеешь в виду... Если тебе интересно, я тебя и раздела. Не в одежде же тебе было спать. Привыкла так делать с мужем.

– А потом?

– Вызвала такси и уехала. У тебя чего-то пропало? Я не знала, как закрыть комнату.

– Ничего, конечно, не пропало, – произнёс он раздраженно. – Спасибо, что уложила.

В глазах Веры мелькнула молния.

– Если ты боишься, что пьяный приставал ко мне, то нет. И даже если бы да, то у тебя ничего бы не вышло. Даже и не думай.

– Я и не думал. Но речь может идти не только обо мне.

– Годунов, ты с ума сошёл? Я замужем так-то.

Он пожал плечами.

– В жизни бывает всё.

– Ты не обижайся. Просто это... невозможно, – сказала Вера, чуть подумав.

Годунов и не обижался. Они заговорили о работе, вожатая интересовалась теми или иными трамвайными тонкостями, а он объяснял, что к чему. Когда равновесие восстановилось окончательно, Вера спросила, можно ли посмотреть второй дом.

– Да хоть сейчас. Тут недалеко.

Они дошли до перекрестка Собинова и Пушкина. Власьевский сквер был пуст, за решеткой стояли огромные липы с чёрными, неживыми ветвями, плотно облепленные замершими

галками. Вдруг рядом завывла сирена, что-то заскрипело, и на Пушкина влетела, едва вписавшись в поворот, пожарная машина. Звук окатил сквер и путников волной тревоги, галки сорвались с ветвей и хрипло закричали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.